

ВАЛЕНТИН КОСТЫЛЁВ

КУЗЬМА МИНИН

Всемирная история в романах

Валентин Костылев

Кузьма Минин

«ВЕЧЕ»

1939

Костылев В. И.

Кузьма Минин / В. И. Костылев — «ВЕЧЕ», 1939 — (Всемирная история в романах)

Валентин Иванович Костылёв (1884–1950), русский писатель, известный, прежде всего, своей исторической трилогией «Иван Грозный», получившей в 1948 году Сталинскую премию. Однако «Кузьма Минин» по праву считается одним из лучших романов Костылёва. В нем повествуется о славном и трудном времени на Руси, о героической борьбе народа за независимость, о любви и верности, хотя главным героем романа выступает нижегородец Кузьма Минин, инициатор сбора и один из руководителей народного ополчения 1611–1612 годов, освободившего Москву от польских интервентов.

© Костылев В. И., 1939

© ВЕЧЕ, 1939

Содержание

Часть первая	6
I	6
II	8
III	12
IV	16
V	18
VI	23
VII	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валентин Костылев

Кузьма Минин

©Костылёв В.И., 2012

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Светлой памяти народного героя Валерия Павловича Чкалова.
Автор

Часть первая

I

Подожженная вражескими гусарами деревня Тихие Сосны догорала. Вопли женщин, детский плач, треск и грохот рассыпавшихся в огне изб раздавались кругом. Королевские всадники беззаботно поглядывали на полураздетых, босоногих людей, убегавших по мерзлой земле в лес.

Гаврилка Ортемьев, как и другие его односельчане, в эту ночь бежал из дому.

В этой суматохе Гаврилка потерял отца, мать, братьев. За ним потехи ради рванулся в погоню один из гусаров, отогнал его далеко, в сторону, к Днепру. Гаврилка переправился через реку, чтобы укрыться в единственном убежище – в крепости Смоленск. Объятая душной мглой пожарищ, она чернела на горе – большая, грозно насторожившаяся. Ползком перебрался Гаврилка через крепостной вал.

Соседство с польскими войсками, не раз осаждавшими Смоленск, приучило жителей Тихих Сосен к опасностям. И то, что теперь произошло, не было неожиданностью. К этому были готовы.

В семье Гаврилки старики часто молились о смерти, но ему хотелось жить! Храбрость и стойкость смолян, полтора года отражавших приступы поляков, научили его быть выносливым и твердым в самые тяжелые, тоскливые дни.

Давно он лелеял мысль самому сразиться с врагами, испробовать в бою свою силу. А он ее чувствовал в себе: коренастый, немного сутулый, широкоплечий, он побивал в кулачных боях самых завзятых бойцов. Можно ли ему так легко, как советовали старики, покориться судьбе?

Бесплодные штурмы Смоленска подняли дух не только у Гаврилки. Многие крестьяне, видя неудачи панов, ушли в лесные дебри и оттуда совершали смелые набеги на Московскую дорогу. Они ловили королевских гонцов, нападали на польские обозы и патрули. Поляки прозвали их шишами, то есть бродягами, сбродом, разбойниками.

Гаврилку не тянуло в лес. Куда лучше казалось бить поляков из крепости огненным боем. Ведь недаром же его учил стрельбе смоленский пушкарь Данила Сомов.

Это было до нашествия поляков на Московское государство, до лета 1610-го. В праздники взбирался он на четырехугольную башню близ Копытинских ворот и подолгу слушал чудесные рассказы старого смоленского пушкаря о войне. У Гаврилки появилось уважение к бронзовым машинам, глядевшим своими жерлами из бойничных окон. Парень с особым усердием протирал куделью таинственную пасть орудия.

Светило солнце. Сквозь прорези башенных зубцов снизу, среди зелени синел Днепр. Над остроконечной вершиной Копытинской башни в небе кружили ястреба. Гаврилке вспомнились эти дни, и его неудержимо потянуло опять туда, к большой пушке, которую старик Данила почему-то звал «хозяйкой» («моя хозяйка»).

Седой привратник занес бердыш над головою парня, опросил его и после этого впустил внутрь.

– Сожгли? – кинул он в сторону зарева.

– Да... – грустно вздохнул Гаврилка.

– Лютуют... Чего там! Горе. Вчера тоже вот Овчинникову гать... Каждый день жгут...

Гаврилка перебрался через второй высокий внутренний вал. Здесь его окружили караульные стрельцы и повели в Воеводскую избу «для сыску», Разузнав, кто он и зачем явился в крепость, стрелецкий десятник для достоверности отвел его к пушкарю Даниле Сомову. Тот

признал парня и согласился взять к себе. Данила предупредил: не следует верить затишью. Надо быть настороже.

– Того и жди, опять пойдут, – вздохнул он. – Тайком, проклятые, роют норы, тшятся пролезть под землю. Приказывают московским послам явиться к королю говорить о мире... а сами роют и роют. Хорош мир! Не мира хотят они, а нашей гибели... Не будь простоволосым, парень, гляди зорко.

Гаврилка и без того знал, что такое сладкие речи панов... Давно ли в Тихие Сосны приезжал их региментарь¹, клянясь, будто король жалеет русских тяглецов-крестьян, будто идет он против боярской смуты, хочет образумить алчных вотчинников и дать волю крестьянам...

И о московских послах, прибывших от Боярской думы в королевскую ставку под Смоленск, известно было крестьянам. Просят послы отпустить в Москву на царский престол королевича Владислава да увести польские войска из Московского государства. Король – ни «да», ни «нет», – томит послов. Ожидается новая беседа послов с панам.

В деревнях рассудили так: умыслил он присоединить Русь к Польше, чтобы вогнать крестьянство в еще большую кабалу, нежели то было прежде, при московских царях. Тогда крестьяне были рабами только русских бояр и дворян, а теперь их хотят сделать еще и рабами польской шляхты. Тогда давил один тиран, а при королевском иге будут два тирана. Четыре года назад народу под началом Болотникова не удалось свергнуть дворянское иго, а при двойном иге и вовсе никогда не вылезешь из кабалы! Об этом много разговоров было в Тихих Соснах. Народ истомился в крепостной неволе, но и мысли не допускал, что иноземные завоеватели могут быть полезны ему. Не верил ни в какую помощь со стороны русский народ, верил только в свои силы.

Гаврилка, дрожа от горечи и гнева, глядел между зубцов башни на догорающие остатки Тихих Сосен. А пушкарь Данила утешал:

– Не горюй, парень! Все одно умирать. Так мы тут и решили на земском сходе: всем полечь, а не сдаваться... Две трети нас осталось... Одна треть уже полегла в боях и от цинги... И мы будем биться до последнего.

¹ Региментарь – начальник посольской части, полковой командир.

II

Великий канцлер Лев Сапега принял вызванных в королевскую ставку московских послов. Возглавлял посольство на этот раз князь Василий Васильевич Голицын. Другой великий посол, Филарет Никитич Романов, сославшись на болезнь, в ставку не пошел.

– Итак, – заявил Сапега, – нам с вами настало время решить судьбу Московии! Пора и Смоленску образумиться, а вам, послам, убедить боярина Шеина склонить свои знамена перед Речью Посполитой². Он должен сдать крепость без замедления.

Сапега прочитал грамоту, полученную им из Москвы от семи бояр, управлявших государством после свержения царя Василия Шуйского. В этой грамоте послам приказывалось поступать во всем согласно королевской воле.

– За известие о боярской грамоте низко кланяемся, – сказал Голицын, – но Смоленска отдать не можем. Посланы мы не от одних бояр, а и от патриарха, и всего священного собора, и от всех чинов, и от всей земли и отвечать должны перед ними. Нынешняя же грамота прислана одними боярами, и то не всеми. А от всего народа никакой грамоты к нам нет. Можем ли мы отдавать свою родную мать-землю без всенародного земского схода?

– Rola – mac kto jej moze rade de³ – усмехнулся Сапега.

– Истинно, вельможный пан!.. Но мы пока того не видим, чтобы вы хорошо нами управляли. Мы видим убийства, пожоги, грабежи...

Сапега побагровел:

– Вы мудрите! Опасайтесь!.. Как бы мы вас не перемудрили.

Тогда вперед выступил, мягко, на носках, приземистый дьяк Томило Луговской. Тряхнул своими пышными кудрями, добродушно улыбнулся:

– Просим прощенья, господа паны! У нас говорят: корми, как земля кормит; учи, как земля учит; люби, как земля любит. Так-то, милостивые паны! Можете ли вы огнем и мечом удовлетворить нас?! Подумайте!

Сапега, прищутив глаза, высокомерно осмотрел Луговского.

– Хитрить изволите, – процедил он сквозь зубы.

Шумно поднялся со своего места начальник осады Ян Потоцкий, сказал что-то Сапеге по-латыни. Все паны вместе с Потоцким и канцлером удалились в соседнюю комнату.

Томило Луговской в отсутствие их начал осуждать митрополита Филарета Никитича Романова за то, что он не пошел на сегодняшнее свидание с панамы. Голицын, слушая Луговского, улыбнулся, промолчал. Не время раздорам. Пускай люди доказывают, что он, Голицын, имеет больше Романовых прав на престол, – сам он теперь об этом не скажет ни слова. Василий Васильевич старался в посольских делах ставить Филарета на первое место, но митрополит сам избегает встреч с панамы и споров с ними... Вот и теперь... явно схитрил...

Послы особенно ревниво следили за тем, чтобы никто не уклонялся от встреч с панамы. Положение день ото дня ухудшалось. Настойчивость Голицына и других послов начинала приводить панов в бешенство. Каждый день могла разразиться королевская гроза над посольским лагерем. Это многие поняли. И, тайно приняв сторону Сигизмунда, под тем или иным предлогом уехали в Москву. Так поступил и келарь Авраамий Палицын, прославленный монахами Сергиевской лавры как герой. Он получил от Сигизмунда, вместе с новоспасским архимандритом Евфимием, отпускную грамоту к патриарху. В ней говорилось, что они приходили к королю от всего Московского государства с послами бить челом о королевиче, что король их челобитье слушал и отпустил их в Москву.

² Речь Посполитая – польское королевство.

³ Земля – мать тому, кто с ней умеет обращаться.

Из сверхтысячного посольства осталось всего человек тридцать, твердых, неуступчивых.

Дверь сенаторских покоев отворилась. В комнату опять вошли Сапега, Потоцкий и другие паны-сенаторы. Лица их были надменны; у некоторых на губах играла насмешливая улыбка.

Сапега в первый раз позволил себе вести беседу с послами, развалившись в кресле, подчеркнув тем самым перемену в обращении с ними. Паны, подражая ему, каждый по-своему, старались показать, что у ясновельможной шляхты нет никакого уважения к послам, что они не признают их за настоящих послов, считают их ниже себя. Сапега заявил, польские власти, мол, оказывают им, послам, большую честь, терпеливо поддерживая эти нескончаемые переговоры.

– В прошедшие дни вы ссылались на то, – сказал Сапега, – что у вас нет приказа от своего правительства.

Но теперь приказ, подписанный главою правительства князем Мстиславским, получен, а вы упрямитесь и не желаете подчиниться королевской воле.

Голицын, на этот раз тоже сидя в кресле, ответил:

– Но не ты ли, пан гетман, уверял нас, что его королевское величество позволил крест целовать одному токмо королевичу? И к тому же не ты ли обещал увести войска свои из России? Чего же ради отпираешься ныне от своих обещаний?!

– Может ли его величество отпустить сына без сопровождения войска?.. Подумайте! Кто из вас поручится за безопасность жизни королевича в Москве? И какие же вы послы, если не слушаете своего правительства?

Положение Голицына и послов становилось затруднительным. Они, действительно, отказывались исполнить приказ своего боярского правительства. Голицын с достоинством спокойно ответил:

– Семь кремлевских бояр-правителей меньше знают, нежели мы. Нас отпускали от всей земли. От одних бояр мы бы и не поехали.

Сапега полунасмешливо произнес:

– Дух святой вложил прояснение вашим семи боярам... Они теми же словами вам указывают, какими и мы от вас того же требовали. Кто, как не бог, открыл им все это? Вам тем паче надлежит повиноваться воле его крулевского величества. Патриарх – духовная особа, ему не до земского дела... А народ? Стоит ли о нем говорить?..

– Земские люди – великая сила в нашей стране... – заметил ему Голицын. – Это народ!

Кое-кому из высокородных русских дворян, находившихся в посольстве, не нравилось, что Голицын постоянно ссылается на земских людей, то есть на посадских и крестьян.

Канцлер знал о таких настроениях среди бояр.

– Давно ли русские князья стали холопами своих холопьев? – язвительно спросил он.

Голицын горько усмехнулся.

– С тех пор, – ответил он, – как паны захотели сделать русских князей своими холопьями...

Сапега, не удостоив его ответом, строго сказал:

– Смоляне в упорстве своем закоснели... Они хотят с вами, послами, увидеться и говорить. «Что наши послы прикажут, то мы и учиним», – заявили они.

– Такой ответ достойно слушать, – с радостью произнес Голицын.

Послы не скрывали того, что они довольны стойкостью смолян. Сидевшее в Московском Кремле Семибоярщина, по-видимому, стало уступать панским требованиям. Смоленский воевода не желал идти на поводу у Семибоярщина. Московские послы также решили действовать самостоятельно.

Пребывание в польско-немецком стане многое уяснило им. А вчера они убедились и в том, что поработенная Польшей Литва отнюдь не вся на стороне Сигизмунда. Многие литовские люди тайно приходили в шатры к послам, высказывая свое сочувствие и желание отло-

житься от Польши. Они доказывали, что Литва ближе, роднее москвитянам, нежели панам. Жаловались и на иезуитов, стремящихся расторгнуть союз Западной Руси с Восточною, искоренить в Литовском княжестве все русское.

Москва, находившаяся за спиною послов, выросла в глазах послов и представлялась им уже не такую беспомощною. Сами паны это, конечно, чувствуют и потому торопятся скорее покончить со Смоленском.

– Ну, о чем же вы задумались? – ледяным тоном спросил Сапега. – Чего молчите? Вы хотите, чтобы лилась христианская кровь? Бог за нее с вас взыщет.

Голицын сказал:

– У гетмана Жолкевского было пять тысяч войска, когда он подошел к Москве, а у нас тридцать. Мы могли бы драться с гетманом и победили бы, но бояре пустили вас в Кремль, поверив, что вы явились к нам как союзники против бунтующих крестьян и тушинского вора... Но можно ли теперь назвать польский гарнизон в Москве союзниками? Не пан ли Гонсевский удалил в уезды стрельцов и проливает в Москве невинную кровь? Вы обманули нас.

– Пан Гонсевский карает заговорщиков и бунтовщиков. Если вы не хотите попасть в их число, то должны приказать Шеину сдать Смоленск.

– Такого приказа мы не дадим! – категорически ответил Голицын.

Нарушив порядок посольского обмена мнениями, Потоцкий, красный, возбужденный, вскочил со своего места и, перебив канцлера, громко закричал:

– Потом пожалеете!.. Вы принудите нас разговаривать по-другому!

Палата огласилась негодующими криками шляхты. Некоторые из панов размахивали кулаками, грозя «камня на камне не оставить от Смоленска».

Уходя вместе с послами, Голицын сказал Сапеге, указывая на его окружение:

– Паны слишком откровенно изъявляют свое «доброжелательство» к Московии; не привыкли мы к таким разговорам и угроз не убоимся!..

* * *

Сапега долго стоял в раздумье около дверей королевских покоев, а потом вошел к королю сильно смущенный, ожидая гневных нападок и упреков с его стороны.

Сигизмунд сидел перед зеркалом, охорашивая свои пышные усы, закрученные вверх. Взглянув на отражение Сапеги в зеркале, он, плохо выговаривая польские слова, спросил:

– Что нового, канцлер?

– Голицын упрям по-прежнему, ваше величество.

Сапега с трепетом смотрел искоса на освещенную в зеркале остроконечную королевскую бороду. Ему удалось увидеть слегка накрашенные королевские губы, на них играла благодушная усмешка. У канцлера отлегло от сердца.

– Послушайте, Сапега... Пошлите от меня гонца к Шеину. Внушите ему, что Москва присягнула мне, королю... Обманите упряма. Гоните скорее, а послов окружите стражей... будто бы для охраны их от солдатского гнева, а на самом деле, чтобы они не снеслись с Шеиным. – Король вздохнул. – Удивительное п-л-э-мя!

– Но поверит ли он? – робко спросил канцлер.

– А не поверит – на приступ пойдем... Завтра же на приступ!

Канцлер поклонился и, быстро написав тут же, в королевских покоях, письмо, подал Сигизмунду. Тот, прочитав, махнул рукой.

– Обещайте награду!

Король был в игривом настроении. (Приехал старый друг из его родной Швеции – Себергрен. В честь его готовился бал.)

На буйном коне в крепость помчался, держа высоко на копье белый флаг, гонец канцлера, самый красивый из шляхтичей. Шлем его украшали развевающиеся перья, за плечами серебристые крылья, лошадь в пурпурной с золотом попоне, а на ее голове медный шлем с пышным страусовым султаном.

Шеин велел открыть башенные ворота. Он принял гонца ласково, с лукавой улыбкой оглядел его, а потом усадил за стол, угостил вином в Воеводской избе. Прочитал грамоту не торопясь. Покачал головой и молча написал:

«Хотя Москва королю крест и целовала – и то сделалось на Москве от изменников. Изменники-бояре осилили. А мне Смоленска королю не сдавать и ему креста не целовать, и будем биться с королем до тех мест, как сила будет...».

Шляхтич низко поклонился Шеину и стремительно понесся с его ответом в королевскую ставку.

III

Приуныл посольский лагерь. Боярская грамота явилась доказательством того, что партия «королевских советников» (Салтыков, Андронов, Масальский и другие) перетянула московское боярское правительство на сторону короля.

Вчера, после свидания с послами, Сапега послал Голицыну грамоту: «Секира лежит при корени дерева. Если вы не сделаете по воле королевской и не впустите в Смоленск наших людей, то увидите, что завтра будет со Смоленском».

Голицын ответил: «Мы требуем полного увода, всех до единого, польских солдат из русской земли... Ни одного вашего воина не должно оставаться на нашей земле!»

Пришла еще записка. Канцлер пытался запугать послов шведами, забиравшими города на северо-западе, пугал тушинским самозванцем, к которому ушло из Москвы триста дворян. Послы остались при своем: добровольно не сдавать Смоленска.

И вот эта ночь!.. Свою угрозу паны приводят в исполнение: воевода Потоцкий разрушает Смоленск. Разгневался король, ожесточились шляхтичи, озверели утомленные долгой, безуспешной осадой солдаты и полчища немецких наемников – все пришло в движение: люди, кони, пушки.

В последние дни жолнеры⁴ и загнанные плетями в канавы пленники, словно кроты, изрыли землю вокруг крепости. Немецкий инженер Апельман провел подступной ров к четверугольной башне влево от Копытинских ворот. Прошлою осенью осажденные взорвали часть этого рва, но Апельман, не щадя людей, под огнем смоленских бойцов, снова исправил повреждение. Довел ров до самого основания башни. Здесь землекопы наткнулись на глубокий фундамент из крепкого тесаного камня. Пришлось остановиться. Потоцкий бил огнем именно по этому месту.

В отсветах начавшегося орудийного боя по земле ползали тени башен... Жутко рывкали польские орудия, долбя крепостную стену. Им отвечали пушки смолян. Облака красноватого дыма медленно расплывались в тихом воздухе.

Большое, покрытое первым снегом поле казалось пустынным, но ни для кого не было тайной, что панская пехота где-то тут поблизости, во тьме, хоронится за высокими насыпями-турами, готовая каждую минуту пойти на приступ.

Но вот королевский стан огласился барабанным боем, уханьем литавр и стоном рожков... Послышался топот и рев бегущих солдат. Закашляли самопалы, с новой яростью ударили по крепости пушки... Сигизмундово войско, снабженное кулями, набитыми мхом, лестницами, выбивными ступами, зажигательными приборами, двинулось на приступ.

Земля дрогнула от взрывов мин, подложенных под стену... Всюду вспыхивали огоньки ружейных выстрелов.

Голицын снял шлем, перекрестился.

– Буянов! – дотронулся он дрожащей рукой до своего телохранителя-стрельца. – Слышишь?! Буянов! Нам бы в крепость! О господи!

Филарет встал на колени, произнося вразумительно, неторопливо вслух молитву.

Стрелец пытался успокоить своего начальника:

– Мужественная твердость на Руси издавна. Заstraщаешь ли стенобитием Михаила Борисыча?!

Хотел еще что-то сказать, но гром нового взрыва заглушил его. Ядро польского орудия попало в один из пороховых погребов. Заплясали огненные вихри по стенам, туча искр полетела в поднебесье.

⁴ Жолнеры – солдаты-пехотинцы в польской армии.

– Гляди, гляди!.. – крикнул Филарет. – Стены градские усыпаны народом!..

При ярком желтом свете пожара, действительно, показались суетливые маленькие фигурки оборонявшихся смолян. Отчетливо видны были знамена с колеблющимися от огненной бури длинными концами. Замелькали огни во всех тридцати восьми крепостных башнях. Крепость вступила в бой.

– Держись! Сто-о-ой! – кинулся вперед Голицын, как будто его могли отсюда услышать.

Буянов испуганно последовал за ним:

– Князь! Опасно! Обожди!

Филарет рассердился:

– Что с тобой?! – грубо дернул он Голицына за рукав. – Вчера сам же дал тайный приказ не сдаваться?! Небось не сдадутся.

Голицын притих, вглядываясь в ту сторону, где шел бой.

Когда масса врагов повалила в пролом стены, загремел тревожный набат всех смоленских колоколен. Пушечный огонь потоком хлынул с крепостных башен, разметав толпы осаждавших. Смоляне с флангов неумоимо громили панскую пехоту.

Голицын опять пришел в беспокойство. Казалось, он сошел с ума: рвался вперед, кричал что-то, с силой отталкивал от себя митрополита и Буянова.

– Василь Васильич!.. Васильич! Опомнись! Бог с тобой! – уговаривал его Филарет. – Великие дела решаются в спокойствии... с умом! Ты посол, а не воин! Спаси бог, услышат! Остепенись!..

Стрельцу не нравились причитания митрополита. Не раз он, Буянов, бывал с Голицыным в боях, не раз он вместе с другими воинами заражался боевой отвагой, которая всегда кипела в душе Василия Васильевича. Ну, разве понять монаху, бывшему боярину Романову, что творится в душе истинного воина!

* * *

Ворвавшийся неожиданно в пролом стены свежий наемный полк немецкой пехоты наткнулся на высокий вал – внутреннюю защиту Смоленска. Немцев встретили огонь и туча стрел. Полуразрушенная стена около Копытинских ворот рухнула. Под ее обломками погибло много врагов, а успевшие проскочить оказались в западне. Женщины и подростки, столпившись на валу, опрокидывали вниз ушаты с кипятком, закидывали немцев камнями, ослепляющим песком. С факелами, саблями и длинными копьями в руках немецкие наемники упрямо карабкались на вал. Они гнусно ругались, проклиная смолян, и снова скатывались вниз. Смоленский воевода Шеин появлялся то здесь, то там, ласково подбадривая народ. В одном месте немцам удалось вскочить на хребет вала, но Шеин бросился туда, вступил с ними в отчаянную борьбу. На помощь прибежала толпа горожан. Общими усилиями сбросили немцев вниз.

Теперь пушечный грохот перешел в унылый, однообразный гул. Полякам удалось пробить стену и со стороны Днепра, – туда направились в пешем строю стоявшие в резерве пять гусарских рот. Стройными рядами, держа перед собой громадные с вытисненными крестами железные щиты, подошли они под предводительством боевого старосты Струся к замерзшему широкому рву. Несколько человек, ступивших на тонкий лед, провалилось и утонуло. Положив на головы тяжелые щиты, раздосадованное гусарское войско, похожее на полчище большущих черепах, позвякивая железом, круто повернуло обратно в свои земляные норы.

Орудийная пальба прекратилась.

Казалось, наступило затишье. Можно было бы отдохнуть. Но только что смоляне оправились после боя, как увидели при свете фитилей своего воеводу между зубцов угловой башни. Он спешно навел орудия на отступавших немцев. Радостно вскрикнули все бывшие на валу при виде того смятения, которое произошло в беспорядочно бежавшей толпе врагов.

Смоленский архиепископ Сергей с крестом в руках поднялся на башню и плачущим голосом стал умолять Шеина прекратить стрельбу, не озлоблять короля, сдать ему город... Черный, косматый, он уцепился левой рукой за кольчугу Шеина, произнося свои заклинания, лез лобызаться, мешал военным распоряжениям.

– Уйди! – оттолкнул его Михаил Борисыч. – Не склоняй к бесславию. Уйди!

Узенькие глазки архиепископа стали злыми. Он спустился с башни на вал, всенародно осуждая воеводу.

– Вот бы кого к Жигимонду⁵! Въяве помогает врагу, – проворчал Шеин и, как бы назло трусливому иерарху, с еще большим усердием развил огонь по неприятелю.

Раздосадованный неудачей, гетман Потоцкий снова повел свои войска на приступ. На глазах смолян под огнем польских орудий распалась на три части красавица Грановитая башня, а с нею рухнула и прилегающая к ней часть стены.

Воевода с немногими ратниками поспешил к этой новой пробоине. Лучшие части запасной неприятельской пехоты пошли в атаку.

Опять завязался бой. Жители Смоленска и съехавшиеся в город крестьяне, все от мала до велика, вступили в схватку с врагом; били его кто и чем попало: кто из пращи, кто бердышами, кто рогатиной, кто вилами.

И этот штурм потерпел неудачу. Потеряв много воинов убитыми и ранеными, Потоцкий отступил ни с чем.

Следом за неприятелем жители города спустились с вала заделывать пробоину в стене. Работали дружно, не страшась неприятельских пуль и ядер. Вчерашняя угроза короля осталась пустой похвальбой: защитники Смоленска отстояли свой город.

Гордо застыла во мраке Днепровская пятнадцатисаженная башня, оцетинясь в сторону врага многими пушками с пятиярусных бойниц. И как бы соперничая с нею, тяжелой глыбой нависала над крепостными валами Молоховская башня. Пробившийся сквозь облака лунный свет посеребрил тесовый шатер ее верхушки и выпуклые каменные пояса ее бойниц.

Недаром бывшие в войске Сигизмунда иностранные гости называли смоленскую крепость «неприступной». Подъемные мосты, двойные брусяные ворота, спускные решетки, а за стенами восьмисаженный ров с высокой бревенчатой оградой – и все это, по выражению самих смолян, делало их крепость «непобедимым укреплением».

На Днепре выла подстреленная шальной пулей собака. Мирно светили звезды.

* * *

Шеин обошел смоленские стены. Осмотрел поле, берег Днепра. На снегу лежали убитые и раненые.

Шеина сопровождало несколько стрельцов. Везде, в башнях и на стене, ходили «караульные мужики» и посадские. При появлении Михаила Борисыча они низко ему кланялись.

На четвероугольной башне, близ Копытинских ворот, Шеин увидел того самого парня, который на днях открыл ему заговор нескольких боярских детей⁶ против него и который помог ему сбить пехоту в пробоине близ рухнувшей Грановитой башни.

– Как звать тебя? – спросил воевода, повернув парня лицом к лунному свету. – Молодой... смелый... честный... Давно я присматриваюсь к тебе.

– Гаврилкой Ортемьевым. Крепостной я Зарецкого князя... разоренец... из Тихих Сосен.

Шеин в раздумье взял его за руку и отвел в бойничную келью. Здесь с глазу на глаз воевода тихо сказал парню:

⁵ Сигизмунд.

⁶ Боярские дети – особая категория служилых дворян.

– Как видится, не ошибусь я. Слушай меня. Вот грамоты. Скинься вниз, беги в посольский табор, отнеси к князю Василию Голицыну, а другую – воеводе Ляпунову в Рязань. Да скажи: будем стоять до смерти. Берегись, не попадайся ляхам!..

Гаврилка взял грамоты, спрятал за пазуху, поклонился Шеину. Тот обнял его, перекрестил.

Мало кому воевода доверил бы это дело, но раскрытие Гаврилкой заговора расположило Шеина к нему. Случайно услышал Гаврилка, как вязьмичи – боярские дети – в башне говорили: «Завтра и позавтрее кровь христианская прольется, и город надо отпереть. Мы, вязьмичи, станем в прикрытии по башням со смолянами, которые тоже с нами будут, и учнем мужиков и посадских людей сечь. Шеин нас губит со своими посадскими людьми, королю и королевичу крест не целует. И мы Шеина, сгребя, выдадим за стену, будет и он с Шуйским в Польше пленником... Не хотим мы сидеть насмерть с Шеиным и посадскими...» За эти речи смоляне умертвили боярских детей.

Гаврилка низко поклонился:

– Добро, воевода. Прощай!..

Шеин продолжал:

– Крест целую народу: мы не сдадимся... А ты беги, куда прикажут послы... Беги по городам и посадам. Говори о нас. Сойди осторожно. Ногу не сломи, берегись!..

В темном углу, у выступа башни, спустил Гаврилку на мочальном канате сам Михаил Борисыч.

У подножия башни парень осмотрелся, перебрался через валы, пригнулся и пополз по полю в сторону посольского лагеря. Шеин с тревогой следил за ним.

IV

По всем дорогам от Москвы разбрелись шайки сапежинцев⁷, Лисовского и других панов атаманов, а также тушинские князьки, разбитые под Москвою. Многие из них пытались захватить Нижний Новгород. Богатый, расположенный на выгодном месте при слиянии рек Оки и Волги, не тронутый всеобщим разорением, он был лакомой приманкой для польских и тушинских атаманов⁸. Еще при Василии Шуйском они пытались овладеть им, но всякий раз под натиском нижегородцев отступали.

После налетов этих шаек от деревень и посадов оставались лишь угли и обгорелые трупы.

Однажды под вечер на муромских путях к Нижнему, в селе Погост, произошел великий переполох. Прибежали две женщины к старосте, закричали в голос. Оказалось, они видели в лесу многих польских всадников, пробиравшихся к Погосту.

Жители села стали молиться, приготовившись к неминуемой гибели. Некоторые из них, укутав в овчины детей, убежали в лес. Остальные решили: что в лесу умереть от голодной смерти, что от руки разбойников – все одно. Но случилось не так, как думали погостовцы.

Едва паны вошли в село, на них стремительно накинута толпа неизвестных всадников, выскочивших из леса. Замелькали мечи, сабли, копья. С гневными выкриками врубились в гущу поляков разъяренные витязи. Один за другим посыпались с коней польские гусары. Погостовская улица огласилась криками людей, лязганьем железа.

На снегу валялись уже убитые; тут же корчились в судорогах раненые.

Лужи крови темнели около дороги.

Вражеский отряд, привыкший без труда занимать мелкие селенья, не выдержал удара неведомых ратников, хорошо вооруженных, одетых в непроницаемую броню, плотно сидевших на своих громадных сытых конях...

Куда девалась спесь панов и немецких латников! Каждый из них стремился поскорее ускакать прочь. Из-за деревьев на них неожиданно нападали погостовские жители. Страшными вилами и дубинами они валили беглецов с коней. Мужчины, женщины и дети толпами бежали по опушке леса, не пропуская ни одного всадника.

Во время этой неожиданной сечи своею храбростью среди напавших особенно выделялся великан-бронник, немолодой широкоплечий боец, удивительно ловкий и подвижный, несмотря на свою громоздкость. Одет он был в дорогую мелкотканую кольчугу поверх обыкновенного охабня⁹, какие носили средние посадские обыватели. Голову его прикрывала круглая железная стрелецкая шапка с наушниками; вместо сапог он был обут в новенькие крестьянские лапти. Теперь, после боя, он был похож скорее на мирного крестьянина, нежели на воина, – так добродушно, с лукавой улыбкой, смотрели его черные глаза на обступивших его погостовских жителей.

Спокойно и с наивным довольством, поглаживая бороду, оглядел он землю, усеянную убитыми и ранеными, вздохнул, покачал головой, как будто говоря: «Э-эх, люди! Сами на рожон полезли...» Снял шапку, обтер с лица пот и перекрестился:

– Возблагодарим, братцы, господа бога, что помог нам... Помолимся о душах убиенных...

Стоявшие вблизи его ратники тоже сняли шлемы и в глубоком молчанье осенили себя крестом.

⁷ Сапежинцы – солдаты отряда Яна Сапеги, в сущности бандиты, грабители.

⁸ Тушинские атаманы – князья и дворяне, перешедшие к агенту Польши – Лжедмитрию II.

⁹ Охабень – верхняя одежда.

Повылезли из своих нор старики и старухи, собрались и те, что гонялись за врагами по околицам. Молча вздыхали, молились, говорить не хотелось.

– Коней ловите! – сдвинув брови, строго крикнул великан толпе. – Пригодятся! Одежку со шляхты, прости господи, тоже снимайте, а убиенных наших и ляхов с молитвою предайте земле... Хотя и не православные, однако и они подобие божие, люди. Бог им судья!

Погостовские поняли, что этот человек среди ратников старший; его все слушают, а особенно два молодых воина, которые все время держались около него. И ночевать он устроился с ними в одной избе, у старосты. Здесь он долго беседовал с теми двумя приближенными к нему воинами. Семья старосты слышала, как он говорил им:

– Ты, Родион Мосеев, и ты, Роман Пахомов, не торопитесь из Москвы. Выполните по совести приказ нижегородцев. Разузнайте все... И у Гермогена, патриарха, побывайте и земляка нашего, Буянова, навестите. Насчет Смоленска узнайте. Держится ли? Чует мое сердце, продают бояре нашу землю и всех нас продают проклятому королю. К весне и я вернусь в Нижний. Там сойдемся. А вы уж побудьте в Москве, обживитесь, разведайте обо всем.

Мосеев и Пахомов дали клятву исполнить наказ Нижнего Новеграда в точности, называя своего собеседника Кузьмой Миничем.

– Давно бы уж надо мне домой, – со вздохом сказал он, оглядывая сидевших за столом, – да вот, вишь, не приходится. Лезут, демоны!.. И у меня ведь есть сынок, уж велик... воевать может... Хотелось бы повидать его... Да как уйдешь-то? Вона сегодня што было! Из Мурома выбили супостатов, а они по деревням промышлять начали. Никак не угонишься за ними.

Он рассказал хозяевам дома, что нижегородские люди под начальством воеводы Алябьева давно уже обороняют свой город.

Немало хищников зарилось на Нижний.

Как ни трудно приходилось нижегородцам, всё же отстояли, – никому не удалось овладеть Нижним. Алябьев окончательно очистил окрестности города от врагов, но борьба не прекратилась. В соседних уездах нет-нет да появляются новые шайки. Нужно и с ними покончить.

– Однако, добрые люди... – задумчиво барабанил пальцами по столу, произнес Кузьма. – Нижний Новеград – еще не Русь. Пока не выгоним ляхов изо всех углов нашей земли, до тех пор нам не будет жизни. Не прискорбно ли: первопрестольная в руках злодеев!.. Можно ли успокоиться на благоденствии Нижнего, коли полземли русской в кабале у панов?!

Кузьма Минич назвал Родиона Мосеева и Романа Пахомова «очами и ушами нижегородцев».

Он сказал, что в Нижнем будут ждать с нетерпением их возвращения из Москвы.

Расстались на заре.

Всё население Погоста высыпало на волю при звуках трубы и громкого голоса Кузьмы.

Оба молодца сняли с себя кольчуги, шлемы и сабли и отдали стрельцу, провожавшему их.

Они остались в одежде странников: через плечо сумки, посохи в руках, а на груди медные кресты.

На прощанье Кузьма сказал:

– О Ляпунове узнайте. Что затевает он? С кем идет?! Истинные ли защитники с ним? Правду хотим знать, всю правду. Да берегитесь! Хороните свою тайну пуще глаза.

V

В один из притонов на окраине Москвы набились ночлежники.

Сюда же в эту ночь забрел и бывший при Лжедмитрии I патриархом, ныне – инок, Игнатий. Находясь в заточении в Чудовом монастыре, он часто отлучался из Кремля с позволения польских властей. Теперь он обнищал, мало чем отличаясь от обыкновенных монахов, бродивших повсеместно в поисках милостыни. Всеми отвергнутый, он старался скрывать свое имя и свое прежнее положение в государстве.

Примостившись на полатах, он громко и тяжело вздохнул:

– Что есть жизнь? Господи! Превратность!.. И чего люди пришлые ищут в нашем граде? Текут и текут изо всех уездов... И откуда и зачем – господь ведает!

– Буде! Не тоскуй! – оборвал его парень в волчьем треухе. – Тебе одному, што ль, в Москве жить? Ишь ты!

Из-за спины Игнатия выглянул пришедший с ним вместе кремлёвский приживальщик – скоморох Халдей. Лицо его, вымазанное красками, не смутило парня:

– Ты чего?!

– Бог в помощь, дерзай! – улыбнулся скоморох. – Люблю таких, непонятных.

– Умой харю!.. Зачем намазал?

– Больно уж ты гневен. Откуда? С каких мест такой кусака?

– Отсель не видать, дальний человек, а зовусь Гаврилкой... Слыхал ли? Воеводе не брат и тебе не сват.

В углу захихикали. Плошка с маслом на столе чадила, угасая. Колебал пламя сквозь щели декабрьский ветер. Обледенелое строение содрогалось от его порывов. Недели две назад польское начальство запретило подвозить к Москве дрова. Холодом пыталось оно вытеснить жителей, но люди стали настойчивы, не сдвинулись с места.

Игнатий хотел что-то сказать, но раздумал. Черные глаза его смотрели умно, смущали людей.

– Эх, братцы! – усмехнулся Гаврилка. – Легше железо варить, нежели с дворянами да с попами жить!

– Молод судить. Молод! – тихо, сказал Игнатий. – Горя ты еще не видел настоящего... Несогласие твое от молодости. Жалко мне тебя. Темен ты. В попах – вся сила, у них – согласие и свет разума...

– Врешь, батька! Откуда же у черных людей единомыслие?! А?! – вступился в разговор молодой странник, лежавший на полу.

– От нужды! – ответили разом несколько человек.

– Одних смоленских разоренцев тыщи... Чем будут жить?! Куда денутся? Где найдут пристанище?

– Бегут?!

– Кто на Волгу, кто на Дон... а больше на Рязань... да туда, к Нижнему. На своей земле – везде дом.

Скоморох слез с печки. Игнатий задумался.

В углу на скамью рядышком втиснулись Гаврилка, странник и скоморох.

– Старче Игнатий, друг! В высоких чинах ты находился... бывал и в Турции и в Литве, а познавать горя человеческого не можешь... – сказал скоморох.

– Я што! – вспыхнул Игнатий. – Смиранный инок, выпущенный на сутки из заточения, страдалец! Сам знаешь, господь простит меня, несчастного! Зря лезешь!

– Полно! Чего притворяешься? Меня нечего бояться, – не унимался скоморох. – Кабы не такое дело у тебя вышло, ты плюнуть бы на нас и то счел бы недостойным для себя. Хороши

вы, когда в беду попадаете, вежливые, а то и нос кверху... Глядеть на нас не хотите... Знаем мы ваше смирение!

– Не болтай, Халдей, – на всяк час не спасешься, разные люди тут есть, – вздохнул инок, свесившись с полатей и пристально разглядывая присутствующих. И заметил, что парень в треухе с кем-то перемигивается.

– А ты не таись, парень! Кто ты и откуда? – пытливо спросил он Гаврилку. – Нас не бойся... Одинакие все, убогие.

Парень усмехнулся:

– Кто я?! Селуян Селуянов, не трезвый, не пьяный, тебе не товарищ, по имени Черт Иваныч. Кислая шерсть, такая же, как и все прочие зимолеты.

– Издалеча ли? – вытянувшись на полатах, еще вкрадчивее спросил Игнатий.

– Говорю, отсюда не видать... Лесом загорожено.

– Ну, а ты? – кивнул инок другому парню, высокому, красивому страннику с медным крестом на груди.

– Волгарь я... Рабов не имею... Ветра в поле ищу... Вот и все тут. Сам на себя дивуюсь – чем жив?! Ей-богу!

Из-под тряпья, из углов, с любопытством потянулись глазастые ночлежники. Голос волгаря звучал смело:

– Да оно так-то и лучше! Сколь рабов, столь и врагов. Многие бояре посему в королевский стан и переметнулись. Боятся своих же. Земля под ними шевелится. Болотников везде чудится! Вот человек-то был! Всех богатеев запугал.

– Нас прикрепили, а сами с нее бегут? – отозвался на его слова кто-то с усмешкой.

– Не плачь! Король Жигимонд новых наделает! Без бар не будем. А бегать все одно будем, – усмехнулся Гаврилка.

– Чего уж тут! Нашего брата хоть маслом мажь, все одно будет дегтем пахнуть, – добавил волгарь и, хлопнув кулаком по столу, загорячился: – Ужо им! Поревут еще! По всей земле обида и злоба. Даром-то не пройдет! Теперь бы батюшку царя Ивана Васильевича – он бы живо измену вывел... Правильный был, царство ему небесное.

– Гляди, братцы! Сразу видать нездешнего! Храбрые речи давно не слыхивали. От лютой насильственной смерти люди ошалели, оставляют дома свои, со страха скрываются в чащах древних. Страх везде! Молитесь, чада мои, молитесь!

Игнатий широко перекрестился.

За ним и другие, кроме Халдея.

– А боярам что? – продолжал он. – Ведут они сидячую жизнь, тучнеют от нее жестоко и приобретают тем себе уважение... (Инок явно стал подлаживаться под общий разговор.)

Лицо волгаря было молодое, румяное. Сам – сложения плотного, высок ростом, под стать Гаврилке.

– Не пора ли, братцы, и соснуть? – сказал он, громко зевая. – Утро вечера мудреней... Право! Всего не переговоришь! Да и не всё то говорится, что думается.

– Отвыкли мы, молодец, спать-то... Опасаемся... Яко пагубные волки, вкрались враги в ограду Москвы. Житья от них нет. Мне бы теперь патриархом быть, а я в заточении сижу... Вырвался сегодня, погулял, а наутро опять в Чудов монастырь, в застень... – еще смелее заговорил Игнатий.

– Не бойсь! Москва землю переживет! – укладываясь на скамью, бойко откликнулся волгарь, а через несколько минут захрапел на всю избу. Его примеру последовали и другие, в том числе и скоморох с Гаврилкой.

Когда хозяин притона, худой, высокий, одноглазый человек, убедился, что все спят, подошел к инок. Вытянувшись к полатам, прошептал:

– Чудной какой-то! Люди с Москвы текут кто куда, а он в Москву... Да еще с Волги! Там ли им не раздолье?! А тут и схорониться-то негде.

Игнатий в великом оживлении свесил голову:

– Хитрит дядя! Я их сразу понял. Их двое. Давеча видел я обоих на Яузе. Нас не обманешь. Оба пришлые. А зачем? Неизвестно.

– Куда же тот?

– Господь ведаёт... На глазах исчез.

– Донесешь? – спросил шепотом хозяин притона. Инок задумался.

– Н-ну!

– Не знаю. О господи! Помилуй нас, грешных! Да что ты ко мне лезешь? Что я, доносчик, что ли?! Не обижай меня!

Одноглазый немного погодя прошептал:

– Вторую ночь этот ночует... волгарь-то!

– Врешь! – всполошился инок. – Что ж ты молчал?

– Докащику первая чарка и первая палка! Боюсь.

– Малодушный.

Далее разговор не вязался.

Плошка угасла. Во всех углах храпели люди, кашляли, сморкались, а на дворе ревел ледяной вихрь, пронизывая дырявую ночлежку.

Напрасно думали инок и хозяин притона, что волгарь уснул. Ради того раньше всех и улегся он, чтобы подслушивать.

И вот, убедившись, что все спят, он разбудил Гаврилку:

– Утекай, дружище!.. Беда! Иуды здесь!

Волгарь назвал себя Родионом Мосеевым.

– Слушай меня... Пойдем!.. Поп и харчевник – доносчики.

Оба тихо поднялись, затаились кушаками и неслышно вылезли из лачуги.

Чуть с ног не свалила вьюга. Куда идти? Кругом тьма и глушь. Липнет снег, застилает глаза. Ничего не видать. Словно бы и не Москва, а какой-нибудь поселок в дремучем бору. Ни одного огонька, а дороги все занесены снегом.

Охнула сторожевая пушка. Видимо, на кремлевском гребне. Паны хотя и овладели Москвою и засели в ее сердце как правители, а все же по ночам не спится им. Не легко в чужой клетки молебен служить.

Мосеев и Гаврилка решили ночевать в часовне на ближнем монастырском погосте... «Мертвецы не опасны, – горько усмехнулся Родион, – предавать не будут. Не первый раз мне приходится быть в Москве! Не первый раз хорониться от лихих людей. Путь с Нижнего Новгорода на Москву пять сотен верст, но как мне, Родиону Мосееву, так и моему товарищу, Роману Пахомову, то не в тягость. Безотказно ходим во все времена, повинуюсь воле земского схода».

– Стало быть, с Нижнего?

– Да.

– Я из Смоленска...

Мосеев стал расспрашивать об осаде Смоленска. Не сразу они поведали друг другу о себе всю правду, без утайки, но, уверившись один в другом, наговориться вдоволь не могли. Гаврилка узнал, что Мосеев – нижегородский гонец, наподобие его, Гаврилки, и то, что он не один, а есть у него товарищ, который этой же ночью должен побывать у патриарха Гермогена, в Кремле. Народ в Нижнем хотя и не в осаде, а волнуется, хочет знать всю истину: что происходит в матушке-Москве и окрест ее? Родион рассказал о воеводе нижегородском Репнине, о его помощнике Алябьеве, а больше всего о своем близком друге – Кузьме Минине. Человек отважный и умный, добровольно забросил свою мясную лавку и воюет ныне под началом Алябьева с ворами на Верхней Волге.

Гаврилка, с великим вниманием прослушав Родиона, сказал:

– Там, под Смоленском, в лагере послов тоже есть один ваш, нижегородец... стрелец Буянов. Ночевал я в его шатре.

Мосеев крепко схватил парня за руку:

– Как? Он под Смоленском?!

– Там, там. Виделся я с ним и калякал... Жалеет он, что из Нижнего уехал в Москву... Все из-за князя Голицына Василия Васильевича... Нигде не покидает он его... И под Смоленск ушел с ним добровольно.

Мосеев был очень обрадован, когда узнал, что стрелецкий сотник Буянов в скором времени опять будет в Москве, хочет взять свою дочь Наталью и снова вернуться к себе в Балахну, под Нижний.

– Поминал он и князя Пожарского.

– Да как же ему и не помянуть князя, коль скоро он из его вотчины родом! Мугреевский. С малых лет знает князя. Вместе выросли... земляки.

– А о Кузьме Минине так-таки и не поминал? Дружки ведь они с Буяновым старинные.

– Не припомню. Может, и поминал. Да вот скоро сам увидишься с ним, придет. Князь его посылает к брату, что ль, не знаю... К Андрею Васильевичу...

– Стало быть, Наталья одна?

– В монастыре пока. Поселил ее отец у какой-то игуменьи. Не ходи! И дом у них заколочен. Знаешь ли, где живет-то?

– Ну, вот еще... Всякий нижегородец знает. Да я и не о себе... Мой товарищ, Пахомов, тоскует о ней... о Наталье. Уж и не знаю, как мне тебя благодарить-то... А мы было хотели к нему... Прошлись бы зря.

Родион дал слово Гаврилке всё, без утайки, доложить в Нижнем о бедствиях Смоленска и о послахе, о том, как король мучает их холодом и голодом и как бесчестит их, достойных московских людей.

Гаврилка держался деловито:

– Сам я скоро уйду в Рязань... Москва теперь знает, что смоленские сидельцы живыми не сдадутся и что надо скорее ополчаться. От Шеина послание у меня к Ляпунову.

На погосте в каменной полуразрушенной усыпальнице каких-то бояр Гаврилка и Родион расположились на ночлег.

* * *

Утром Игнатий по дороге в Кремль уныло бубнил:

– Проспали мы! Упустили воров! Взять бы нам их под пристава. Спасибо сказали бы нам паны. Гляди, и мне помогли бы уйти из заточенья...

– С панами как себя ни поведешь, а ото лжи не уйдешь. Не первый раз. Молчи – да и только!

– Но им будет доподлинно известно... да и одноглазый может набрехать: прикрывают, мол, воров!

– Подавись молитвой! Не стращай. Твое ли это дело? Испортило тебя бесславие. Нешто таким ты был раньше?..

Скоморох строго посмотрел на Игнатия:

– Из колокольных дворян да в подворотню лезешь! Стыдись! Будь патриархом. Я и один обойдусь... Чего ты за мной, за скоморохом, бродишь? Испили водицы голубицы – и в разные стороны! Чего тут?!

– А ты не лай! Без тебя собак много.

– А ты не выслуживайся, и без того в люди выйдешь! При Шуйском не пропал, а при панах и вовсе... Предсказываю: быть тебе опять патриархом!

Игнатий повеселел, смягчился:

– Подай, господи! Озолочу! Не забуду. Тяжко сидеть мне в Чудовом! Еще того тяжелее – унижаться. Буду патриархом, попомню тебя. Мне все одно – кому ни служить.

Халдей усмехнулся:

– Поп да петух не евши поют.

– Истинный бог! Не забуду. Верь!

– Там что будет, а о волгаре и смоленском парне ни гу-гу! Не видали – да и только. Нешто уследишь за всеми? Сарынь¹⁰ всякая по ночам шляется. Чернь хлопотлива, что муравьи, ежели кучу их вспорешь.

– Хулу бы нам с тобою не нажать, вот что! Языки¹¹ Гонсевского тоже ведь бегают! Не проследили бы. В нерадивости могут обвинить...

– Ты опять?!

– Молчу.

¹⁰ Сброд, бродяги.

¹¹ Язык – оговорщик, соглядатай.

VI

С трех сторон: через Фроловские (Спасские), Константино-Еленские и Троицкие ворота, ночью в Кремль въезжали нагруженные продовольствием сани.

Польский гарнизон давно поджидал этот обоз. Туговато становилось с продовольствием. Крестьяне прятали хлеб и скот от польских разъездов. Нередко, спасая свои запасы, они умышленно заводили заблудившихся гусаров в дремучие леса, в сторону от деревень, и погибали там под ударами польских сабель. Пошел слух, что мужики, прознав о неудачах короля под Смоленском, надеются на скорое падение королевской власти в Москве.

В деревнях наотрез отказались признать королевича Владислава царем. Проклинали его, отплевывались...

Появление обоза было ознаменовано пушечным выстрелом с Царской (Набатной) башни над площадью, прозванной в народе за случавшиеся здесь частые зажигания – Пожар¹².

Тихо поскрипывали полозьями набитые хлебом, мясными тушами и иною провизией розвальни, окруженные сабельным конвоем.

Возчики в вывернутых мехом наружу полушубках робко поглядывали кругом из-под нахлобученных на лоб малахаев, вздыхали.

Грозным чудовищем выдвинулась из мрака пушка-великан Дробовик¹³. Кони шарахались в сторону. Где-то в темноте играла музыка. Желтели огоньки в домах.

Обоз пересек Ивановскую соборную площадь и въехал во внутренний двор Кормового приказа. На площади исстари составлялись подьячими челобитные, купчие и оброчные памяти, подряды и служилые кабалы. Свидетельствовались они тут же, этими же подьячими-послухами.

К обозу с факелами прискакали интенданты, перекликаясь возбужденно. Высыпали с фонарями в руках приемщики. Они срывали рогожи, прощупывали мешки, боясь скрытых соглядатаев-москвитян.

Но недосмотрели! В одном из возов притаился нижегородский гонец Роман Пахомов. Выждав, когда паны отправились к амбарам, Пахомов незаметно вылез из своего убежища, затерялся в толпе возчиков.

После ухода панов мужики почувствовали себя свободнее.

– Ну, брат, жив ли? – тихо спросил Пахомова возчик-ярославец.

– Жив-то жив, да помяло малость и обморозился... – трясаясь от стужи, ответил Роман.

Возчик забарабанил по его спине:

– В кабачок бы теперь!

– Земское дело у меня... Боже упаси! Чуешь?

– Эй, тише, вы, лебеди! – метнулся испуганный голос. – Коршун летит!

Звеня саблей, пробежал польский офицер.

Но легко ли молчать съехавшимся из разных мест людям в такое время, когда все деревни и села разъединены бродячими шайками?! Слухи разные ходили по деревням. А что и как – тайна. Трудно понять, какая власть, кто управляет? Одно каждому ясно: Москва попала в королевскую кабалу. Разбитной молодой парень шептал товарищам:

– Монах тут подвернулся... Сами бояре, – говорит, – Мстиславский да Федька Шереметев, да Михайла Салтыков – ворота в Кремль их войску открывали. Собралась толпа, стала перечить, а бояре приказали ее разогнать... «Срамите, мол, нас перед иноземцами!» Что ты

¹² С середины XVII в. главная площадь Китай-города Москвы станет величаться Красной.

¹³ Отлита при Федоре Иоанновиче в 1586 г. литейщиком Андреем Чоховым. Впоследствии получила название Царь-пушка.

будешь делать?! Пан Гонсевский правит. Семь правителей-бояр в дураках остались! Вон, глядите на хоромы, кои в огнях... Слышите, – дудки! Ликуют! Справляют победу!

Из темноты вынырнул чернец, подкрался к возчикам:

– Погибаем! – Тут он помянул о патриархе Гермогене. – Теснят и его.

Пахомов встрепнулся:

– Мне к нему и надо, под благословенье бы!

Чернец дернул его за руку, изогнулся:

– Следуй!.. Провожу!

– Так ли? Не предашь?

Монах поклялся:

– Голову отсеки!.. Тайный слуга я патриарха... Не диво, коли и самого на кол посадят...

Всё возможно.

– Веди!

Монах и нижегородский человек исчезли во мраке.

К патриаршему дому кралась по сугробам меж тынов и каменных оград боярских усадеб и подворий, к Чудову монастырю...

Услыхав чьи-то голоса, монах и Пахомов притаились: люди с фонарями! Звяканье ключей. Около больших тесовых ворот караульные.

– Сытенный двор... Ключари-приказчики по отпускным записям принимали хлеб и коровье масло, мясо и иную снедь. Запасаются впрок...

Пахомов слушал с любопытством. Обо всем этом надо рассказать в Нижнем. Вот-вот сейчас увидит он «царствующего града Москвы и великого русского царства патриарха Гермогена», о котором столько чудесных рассказов ходит по земле.

– Из патриаршего дворца преподобного удалили... Живет просто.

Монах вспоминал о тех почестях, какими окружал патриарха царь Шуйский, и, сравнивая те времена с нынешними, вздыхал, плакался:

– Теперь уж не то. Римские ехидны нами правят... Патриарх не нужен. Римский папа – хозяин...

Умолк он, когда подошли к длинному бревенчатому дому с подслеповатыми слюдяными оконцами. Широкое с кубоватыми столбами-опорами трехмаршевое крыльцо. Еле-еле брезжит в оконницах свет.

– Молви молитву!.. Очистись! – приказал монах.

Шмыгнули во двор. Отбивались от собак – Пахомов ногами, а монах, ругаясь, посохом.

– Эй, кто там?! Стой! – грубо окликнули с крыльца.

– Свои, отец Самуил, свои... Милентий!..

На лестницу черного хода, держа фонарь в одной руке, вышел здорового роста монах. В другой руке у него сверкнула алебарда. Он быстро шагнул к Пахомову и поднес фонарь к самому его лицу.

– Нижегородский гонец. Земским сходом послан! – сказал Пахомов.

– Сполна ли правда?!

– Тако, батюшка, сполна... При мне из воза вылез... Прятался от стражи.

Монах шепнул Пахомову:

– То дьяк Самуил Облезлов. Ближний служка святителю.

Допрос тянулся долго. Наконец Облезлов сказал:

– Так, оправься!.. Пойду доложу.

Дьяк исчез.

Через некоторое время медленно открылась дверь, и в горнице появился среднего роста, тощий, древний старичок в белой рясе.

Роман пал ниц.

– Святейший господин наш отпускает ныне убо прегрешения... – пробасил дяк.

– Господь бог, вседержитель... – еле слышно начал Гермоген читать длинную непонятную молитву.

Пахомов подошел к патриаршей руке, принял благословение. Его примеру последовал и монах.

Гермоген положил сухие, пахнувшие маслом руки на голову Пахомову. Едва слышно произнес:

– Скажи там... Бояре пали духом и многие изменили. Срамною стала жизнь. Разврат, ложь, убийства и корысть кругом... На кого будем взирать? Кому служить? Кто направит силы наши? Господу богу угодно всю власть возложить на меня. Московское государство искони сильно верою и послушанием. Соотечественники связаны единою церковью. Несть наибольшего греха, нежели уклонение от священнопочитания... Крепки ли верою нижегородцы? Не поддались ли вы соблазну?

Патриарх насторожился. Оперся рукой о стену. К нему подскочил дяк-великан и подержал его.

– Крепки ли? Отвечай, добрый человек! – глухо повторил Гермоген, тяжело дыша.

– Крепки! – бодро ответил Пахомов.

– Много ль возможет дать нижегородский воевода?

– Правды ради – все пойдем.

– А много ль оружия и зелья у вас? Надежно ль будет войско?

– Пять кузниц новых... куем лезвия немало.

– Копием могуч не будешь. Огненная защита сильнее. Взгляни на зловерных. Меж зубьев пасти чугуны на стенах. Наберитесь и вы силы! Чую! Поднимутся православные и изгонят поганых прочь.

Холодные дрожащие руки Гермогена ощупали голову Романа.

– Восстаньте и вы на злохищных! Поднявшие меч – от меча и погибнут! Вещественное вещественным же и погашается... Благословляю и вас на ратное дело. Иссякло озеро нашего христианского смирения!.. Меч и брань – защита правды. Прольем кровь неверных! Прочь польских царей! Изберем своего, россиянина, на царский престол... Имеем и честных бояр и князей, им православные христиане и вручат власть над собою! Передай в Нижнем: разрешаю всех от присяги королевичу!.. Ныне вы ему не рабы!

Голос Гермогена, по мере того как он говорил, становился громче и громче.

Закончил он, крепко уцепившись за ворот полушубка Пахомова:

– Иди! Опасайся соглядатаев!

Патриарх рывком благословил Пахомова, охая и кряхтя, повернулся и, опираясь на посох, ушел к себе в келью.

Патриарший дяк провел Романа через разрушенный сарай на одну из кремлевских улиц.

Патриарх у себя в келье объявил скрывавшимся у него двум рязанским посланцам, чтобы вписали в ополчение и нижегородцев.

Один из рязанских гостей перечислил Гермогену градские полки с начальниками.

Патриарх, приложив ладонь к уху, с довольной улыбкой слушал.

– Города рязанские и сиверские пойдут с Ляпуновым. Муром – с князем Масальским, Владимир и Суздаль – с Просовецким. У них волжские казаки и черкасы¹⁴, отложившиеся от Пскова.

– А Вологда под кем? – с нетерпением перебил патриарх.

– Вологда?! С Федором Нащокиным...

– Ярославль?!

¹⁴ Черкасы – украинцы.

– Ярославцы никогда не расстанутся с Иваном Ивановичем! Водой их не разольешь...
– Волынский – достойный человек... Да будет благословение господне над ним.
– На той неделе к нему пристал стрелецкий голова Иван Толстой... Пятьсот всадников. Гермоген весело улынулся:
– В ямах Андроньева монастыря по моему приказу зелье зарыли... У панов в погребу вчерашней ночью монахи тайно стяжали. Побывай там. Разведай.
– Добро! Благодарствуем!..
– Монахов несть числа забирайте... Благословляю! Тунеядствуют по монастырям... Наказываю: брать их в ополчение!..
– Кострома... – продолжал рязанец, – пойдет с князем Волконским.
– Надежен ли? – нахмурившись, спросил Гермоген. – Не лучше ль возвести другого знатного дворянина, который в шатости не был замечен... Волконский не мил мне. Он холопьям поблажку дает... бунту пособляет...
– Стелецкий голова наш... будет следить за князем...
Всю ночь Гермоген и двое посланцев рязанского воеводы Прокопия Ляпунова проговорили о дворянских ополченческих делах. Всю ночь обдумывали они с патриархом, как бы покрепче ударить по врагам.

* * *

На следующий день в малые сени патриаршего дома с посохом в руке, весь черный, костлявый, вошел гробовой старец¹⁵ Чудова монастыря Гедеон. В последние месяцы и он потерял покой. Бывало, целые дни лежит в гробу и только за нуждой поднимается, а ныне постоянно в патриарших покоях. Патриарх полюбил старца Гедеона. Ежедневно за трапезой оба они выпивали по кубку церковного вина и по одному кубку меда вишневого, съедали блюдо карасей, пирог «с телесами щучьими» и блюдо ягодников. За едой вели беседу о панах, об иезуитах, о монастырях, а больше о том, кто после Смуты сядет на престол: Голицын или Романов? Гедеон уверял, что ему ночью явилось видение вроде ангела и начертало на стене: «Василий», а это – знамение. Престол обязательно получит Голицын. Патриарху понравилось Гедеоново видение. Ему вообще были по душе все, кто против прониры Филарета Романова и кто был на стороне Голицыных. Но никогда он не высказывал этого вслух, боясь сильной романовской партии и властолюбивой, вздорной матери Михаила Романова, инокини Марфы, жившей с сыном тут же, в Кремле, и пользовавшейся вниманием панов...

Вот и Ляпунов! Он пришелся по душе патриарху.

Ляпунов стоит за Голицына. Выгонит он проклятых панов, и тогда... Гермоген знал, что будет тогда! Желал этого. Впрочем, на людях он не прочь был называть в числе будущих царей и Романова, но втайне лелеял мысль: выгнать панов из русской земли, а там... вся церковь поднимется за Голицына. Патриарх понемногу уже подготавливал дальних епископов. Всеми чтимый гробовой старец, святой отшельник Гедеон, помогал ему, насколько хватало сил.

Кроме Гедеона, в келье находилась еще монахиня, бывшая в миру княгиней Куракиной. С юных лет Гермоген был ее другом. Прошли года. Оба состарились, дружба стала чище, яснее.

– Гневного пламени во мне никому не угасить! – говорил патриарх сердито.

Старица набожно крестилась:

– Настанет час, и возвеселятся праведницы!..

– Да будет так! – шлепнул сухой ладонью по столу Гермоген. – Король всполошился не зря.

¹⁵ Гробовой старец – схимонах. Схимонахи обыкновенно спали в гробу, пищею их были хлеб и вода. Схима – самый строгий вид монастырского затворничества.

– У, ненасытный, кровожелатель! Так бы я его и растерзала! – вспылила старица.

– Железом... огнем... силою воинской единственно можно поразить его... Донской казак и сам я... Знаю... Отец еще тому учил. Симонов монастырь с моего благословения всю казну отдал на огненный бой.

Разговор о войне и о пушках заинтересовал и гробового старца.

– Сею ночь мне представилось видение: якобы на Пожар-площади некий юноша сотворил пушку, и огнем своим она в единую ночь сожгла всё вражеское царство со всеми людьми и с самим Жигимондом... и со всеми конями...

Гермоген и старица оглянулись на Гедона удивленно.

– Может ли человек сим даром Божиим обладать?

Не есть ли подобное величие – принадлежность единого господа бога?.. В пламени огней гибли города и царства, но единственно токмо по воле господней. Так сказано и в писании. Видение твое ложно. Греховно. Покайся!

Гробовой старец усердно почесал под бородой, вздохнув:

– Прощения прошу, коли соврал!

Наивность Гедона всегда покоряла патриарха. Он улыбнулся:

– И ложь бывает во спасение. Бог простит.

Патриарх рассказал своим друзьям о рязанском ополчении, собирающемся против поляков, о том, что у него были дворяне, посланные из Рязани от Прокопия Петровича, а также были знатные люди из Ярославля и Вологды, а сегодня посетил его и нижегородский ходок.

Слушая патриарха, непрерывно крестился Гедон, крестилась и инокиня Куракина.

Все трое сползли со скамьи на колена, молясь об уничтожении врагов и о восхождении на престол Василия Голицына. Затем гробовой старец шепотом рассказал Гермогену, что лишенный при Шуйском патриаршего сана Игнатий нередко по ночам уходит из своего заточения, с ведома самого начальника тайных дел пана Пекарского. Гермоген нахмурился: «Корыстолюбец! – тихо произнес он. – Такой будет люб и в разбойничьем вертепе!»

VII

Халдей принес на спине мешок муки. Вчера по приказу Гонсевского веселил он польско-литовских людей на Ивановской площади в Кремле, за это и наградили.

– Окаянного потешаю, – сердито сказал скоморох, смывая с лица краску.

После того как он сбросил с себя шутовской балахон, на жилистой шее его и на сухой спине стали видны синие рубцы и кровоподтеки.

Нижегородцы, которых он сегодня встретил на улице и привел с собой, в страхе переглянулись.

– Вот глядите, дары за верную службу... Когда паны довольны мной, они стегают меня кнутом и сабельными ножнами. Когда не угождаю – тоже.

Он горько рассмеялся.

– Чего же ты? Нешто весело?!

Халдей ответил:

– Чудится мне, что кони – и те ржут, глядя на скоморохов. Пан Доморацкий хлестнул меня плетью, а я запел петухом и стал скакать на одной ноге... Лошади оскалили зубы. Вы небось тоже... А?! Ну-ка!

Скоморох вскинул правую ногу до самого плеча, запел петухом и на левой ноге ловко обскакал всю горницу.

Мосеев и Пахомов фыркнули.

Халдей некоторое время с грустью смотрел на них.

– Вот видите!..

Он гневно нахмурился:

– И все так! Поймите хоть вы, что пирую я, не участвуя в пирушке... Не смейтесь надо мной...

Мосеев и Пахомов покраснели от стыда.

Халдей надел синюю рубаху и серые полотняные штаны и снова стал простым и приветливым. Он развел очаг и напек блинов для гостей.

Во время еды Халдей поведал о том, что происходит в стенах Кремля. У панов тоже не всё благополучно. Жолнеры стали роптать: надоело сидеть в Кремле. Были драки между ними и драгунами. Кое-кто сбежал из Кремля, унеся с собой оружие. Гонсевский не дает отдыха скоморохам. Пытается пляской, кривлянием и разными «бесовскими ухищрениями» развеселить своих воинов. Не раз собирал он войско, укорял его в слабости, уговаривал не падать духом, угрожал отсекать руки дезертирам. Из-под Смоленска, говорил Гонсевский, придет сам король со всем своим войском. Москва-де дорого заплатит за свое упрямство и неуважение к панам. Пожива будет немалая.

Жолнерам больше всего хотелось этого.

Жалованье в польском лагере не особенно ценилось: привлекала воровская добыча! Ради нее-то и в Москву забрели.

Родион и Роман сказали, что им хотелось бы знать о силе польского гарнизона, о вооружении пехоты, конников, командиров. Халдей шепнул, в какой башне и сколько пушек. За это нижегородцы низко ему поклонились.

Халдей обещал Родиону и Роману и впредь рассказывать о том, что делается в Кремле. В свою очередь нижегородцы сообщили Халдею, что смоленский гонец Гаврилка Ортемьев пошел в Рязань с посланием боярина Шеина к Ляпунову, что везде готовятся к походу на Москву.

Перед вечером нижегородцы по-братски распрощались с Халдеем и отправились в Стрелецкую слободу. От него же узнали они, что из-под Смоленска прискакал в Москву их земляк, сотник Буянов.

Идти приходилось с опаской. Вдоль каменных стен Белого города¹⁶ от башни до башни медленно разгуливали польские часовые, зорко вглядываясь в каждого путника. Надо было воровски прокрадываться, хоронясь за домами и амбарами, чтобы случайно не попасть в руки пана Пекарского.

Дом стрельца Буянова нашли. Убедившись, что никого из соглядатаев кругом нет, вошли во двор.

– Добро, добро, жалуйте, друзья! – приветливо крикнул Буянов с крыльца.

Нижегородцы рассказали ему, зачем пришли. Стрелец спросил, благополучно ли в Нижнем? Что делает Кузьма Минин?

Роман Пахомов подмигнул Буянову:

– Кузьма Минин теперь у нас чуть ли не воевода... У Алябьева первый человек... Нижний охраняет. Воюет с ворами.

– А Татьяна Семеновна?.. Она ведь с норовом. Как она его отпустила?

– Ушел – и всё! И торговлю бросил. На всё махнул рукой.

Расположились в просторной, хорошо убранной горнице.

Посреди – дубовый стол, покрытый узорчатой скатертью; по стенам длинные, тоже дубовые, скамьи. Горница освещена двумя сальными свечами в железных подсвечниках.

Буянов рассказал про Смоленск.

– А тут что нашел я?! – продолжал стрелец. – Пан Гонсевский в бояре попал и стрелецким головою назначен, заставляют самозваному боярину служить!

Но есть и защитник у нас... – робко заметил Пахомов.

– Кто?

– Патриарх Гермоген. Был я у него, беседовал с ним.

Буянов насупился. Седые пучки бровей сдвинулись.

– Гермоген!.. – повторил он. Потом вдруг усмехнулся: – И у дедушки Власия борода в масле.

Пахомов рассказал о своем посещении Гермогена.

Буянов терпеливо выслушал и, заложив руки за спину, принялся шагать из угла в угол. Наступило тягостное молчание. Нижегородцы окончательно смутились.

– Да! – вдруг остановившись против них, угрюмо проговорил он. – Гермоген проклиняет Гонсевского, но не он ли в августе привел к присяге королевичу всю Москву? Не он ли велел попам богу о нем молиться?! А до этого не он ли кривил душой и перед Лжедимитрием? Пора, пора ему опомниться!.. Немало нагрешил дед!

¹⁶ Белый город – часть Москвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.